

ЗОЛЬНИКИ БЕЛОГРУДОВСКОГО ТИПА – СЛОЖНЫЕ МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Пытаясь понять те или иные монументальные археологические памятники, довольно часто сталкиваемся со своеобразными *faux amis* («ложными друзьями») – такими отдельными их деталями, трактовка которых через, на первый взгляд, очевидные аналогии закрывает путь к получению содержащейся в этих памятниках информации. Под землей сохраняется далеко не все, что свидетельствует о реальной функции объектов, да и сохранившееся далеко не всегда истолковывается верно.

Есть множество примеров ошибочных интерпретаций. Некоторые из них рассмотрел Р. Бредли, показав, в частности, неправомерность традиционного сопоставления столбовых конструкций бронзового и железного веков Центральной и Западной Европы со средневековыми зернохранилищами в Галисии (*hórreo*) и неверное отождествление последних с церковными сооружениями из-за наличия на крышах крестов и размещения на открытых участках местности (Bradley, 2005, p. 4-9, fig. 1, 1). Что касается Украины, то у нас поселения-гиганты трипольской культуры без проведения серьезного структурного анализа провозглашают городами, а в более скромном варианте – протогородами, курганы – ведийскими обсерваториями, а сугубо природные образования в пределах Донецкого кряжа – рукотворными мегалитическими сооружениями наподобие Стоунхенджа, Трои или египетских пирамид. Все это является и результатом стремления некоторых исследователей к дешевому пиару, и следствием игнорирования всесторонней критики источников.

По Л.С. Клейну, «способ кодирования информации в источнике обусловлен тем, как, почему, зачем этот источник формировался – обретал свою форму и структуру, насыщался соответствующей информацией, соответственно ее преобразовывал и консервировал» (Клейн, 1978, с. 100). Выделены четыре вида человеческой практики, обусловивших формирование: обитание – наиболее широкая деятельность, способствующая образованию культурного слоя; хранение или упокоение – деятельность, распространенная на отдельные, специально отобранные части культурных останков; создание – деятельность, от которой остаются отдельные сооружения¹; пребывание – изолированные остатки в различных местах вследствие кратковременного их посещения. По своему составу памятники могут быть однородными (простыми) и сложными. При сопоставлении тех или иных видов формирования со способами археологизации – через катастрофу, специальный вынос, нормальное или аномальное выпадение – культурные слои поселений, жертвоприношения, святилища, культовые сооружения и тому подобное попадают в разные классификационные ячейки (Клейн, 1978, с. 89,

¹ Странно, но созидательную деятельность на местах обитания и упокоения Л.С. Клейн почему-то не учитывает.

100-112, табл. IX), и какое-либо их отождествление друг с другом исключается.

Эти критерии могут быть использованы для объяснения зольников белогрудовского типа, известных уже более ста лет, но до сих пор не имеющих однозначного толкования. Они имеют вид небольших курганов овальной формы диаметром до 40 м. В степной зоне их высота очень незначительна в силу продолжительной и интенсивной распашки, поэтому на открытых участках они зачастую выделяются на поверхности только серыми пятнами, хотя под лесом могут достигать высоты около двух метров. Иногда в местах скопления расстояние между отдельными всхолмлениями или их группами достигает более 100 м.

В пределах юго-запада Восточной Европы такие зольники известны в культурах эпохи поздней бронзы – тшинцевой, Ноуа и сабашиновской, в культурах лесостепной зоны переходного периода к раннему железному веку, включая белогрудовскую, и в раннескифское время². «Зольник белогрудовского типа» – общее видовое понятие, включающее ряд частных: «белогрудовский зольник» – зольник белогрудовской культуры, «сабашиновский зольник» – зольник сабашиновской культуры и т.д.

Трудность их интерпретации заключается в том, что такими же по цвету и структуре являются почвы культурных слоев древних поселений, к тому же нередко всхолмления содержат остатки жилых и хозяйственных построек. Вместе с тем в них встречаются и votivные предметы, а также следы обрядовых действий (глиняные статуэтки людей и животных, модели лепешек, изредка – погребения или отдельные кости человеческих скелетов и преднамеренно разбитые сосуды). И сторонники бытовой трактовки, и, тем более, весьма эффектной культовой, которые на месте будущих всхолмлений видят пылающие костры и танцующих вокруг них шаманов, гонимых на заклятие животных и потрясающие воображение сцены человеческих жертвоприношений, пока не смогли объяснить такое сочетание признаков.

Я уже выдвигал предположение, что в основе этих структур находятся поселенческие модули типа усадеб или отдельных жилищ (Gerškovič, 1999, s. 43-46; Гершкович, 2004, с. 106-110). Когда обитатели оставляли их, они осуществляли “захоронение” своих домов и вышедшего из употребления производственного и бытового инвентаря. Такие обряды, хотя и не всегда хорошо прослеживаются археологически, были широко распространены в древности у населения разных культур. Их еще можно назвать “жертвой оставления жилища” (Мимоход, 1996, с. 27-28; 2001, с. 99), и в каждом конкретном случае определять связь с определенным этапом функционирования памятника. Для

² Полная историография проблемы изложена в моей статье, а также в статье Е.Н. Саввы (Гершкович, 2004; Sava, 2005).

зольников белогрудовского типа я выделяю пять таких этапов.

Первый этап – возникновение подворья. На определенном участке сооружалось жилище или группа жилищ и хозяйственных построек. Выбранная под застройку площадка могла ограждаться каменной изгородью, деревянным забором или легким плетнем. На этом этапе формирование осуществлялось через *обитание*, а археологизация – через *нормальное выпадение*.

Следы заборов и изгородей прослеживаются не всегда, ибо они уничтожались в ходе последующего «захоронения» (см. ниже). Отсутствие же признаков жилищ чаще всего связано с недостатками полевой фиксации – на таких объектах абсолютно необходима фиксация всех без исключения находок, а не только атрактивных изделий, как это имело место раньше, а порой остается и сейчас.

Второй этап – функционирование подворья. Хозяйственно-бытовые остатки постепенно накапливались на уровне дневной поверхности. Вне жилой зоны этого не происходило, что объясняет отсутствие культурного слоя и малое количество находок между всхолмлениями. В составе глиняной бытовой посуды – образцы фактически всех функциональных групп (малых, средних и больших объемов), нередко целые сосуды или их развалы, а кости животных – типичные кухонные отбросы, характеризующие весь половозрастной и видовой состав домашнего стада. И на этом этапе формирование – через *обитание*, а археологизация – через *нормальное выпадение*.

Третий этап – уход обитателей из подворья. Жилища разбирались, отдельные их детали сбрасывались в пустые хозяйственные ямы; разбивались сосуды; иногда совершались захоронения людей или частей их тела, а также черепов или частей туш животных; на полу возле очагов укладывались кучки глиняных лепешек (хлебцов) и статуэток, оставлялся непригодный для дальнейшего использования инвентарь, в том числе связанный с металлообработкой. На этом этапе формирование уже иное – через *упокоение*, а археологизация – через *специальный вынос*.

Даже часть артефактов вполне «утилитарного назначения», то ли в силу необычного расположения, то ли по своему характеру, могут быть причислены к числу вотивных (Мимоход, 2001, с. 97-98) или «странных (или разрозненных) депозитов» – таким термином Дж. Брюк обозначала находки из круглых жилищ среднего бронзового века южной Англии, демонстрирующих связь жизненных циклов жилищ и их хозяев. Допускается обусловленность оставления жилища не только экологическими или экономическими причинами (обеднением пастбищ или истощением земли для посевов), но и социальными, а именно: смертью одного из членов семьи или приходом жилища в полную негодность (Bruck, 1999, pp. 149-152). Такое простое объяснение – без модных ныне астрологических и прочих эниологических

экскурсов – является наиболее реальным³.

Четвертый этап – образование первичной насыпи. Накопившийся в пределах жилищно-бытовой зоны мусор и грунт культурного слоя преднамеренно перемещался, дабы полностью прикрыть остатки жилищ. На этом этапе формирование, как и на предыдущем, снова осуществлялось через *упокоение*, а археологизация – через *специальный вынос*. Высоты и размеры насыпи зависят от продолжительности существования усадьбы и интенсивности бытовой и производственной деятельности в ней.

Снова обращаем внимание на образование всхолмлений на местах наземных жилищ. Лишь изредка они могли быть слегка углубленными, но ни в одном из известных случаев нет указаний на наличие явных насыпей над несколькими большими и глубокими землянками или полуземлянками – там, где имелись таковые, появление холма заведомо исключается, так как весь грунт накопившегося культурного слоя, перемещаемого в ходе «захоронения», уходил бы на засыпку их котлованов.

Пятый этап – образование нынешнего вида. После оседания насыпи и образования дернового слоя всхолмление приобретало вид кургана. Со временем обильные остатки органики, накопленные на подворье к моменту оставления и сконцентрированные в одном месте, перегнивая без доступа воздуха, придавали грунту светлосерый (пепельный) цвет, образуя своеобразное ядро внутри насыпи. Кстати, иногда такое ядро вообще отсутствует, и тогда, в особенности при наличии человеческих останков, зольники белогрудовского типа принимают за курганы, но такие случаи объясняются либо сравнительно непродолжительным накоплением культурного слоя, либо плохой сохранностью органики в особых почвенных условиях, например, в супеси. Этот этап не имеет соответствий в схеме Л.С. Клейна, ибо в целом не связан с антропогенными факторами.

Возможно, к местам бывших усадеб их бывшие обитатели периодически возвращались и проводили здесь какие-то обряды (*пребывание* и *специальный вынос*), но чаще всего их археологически распознать нельзя из-за эпизодичности и осуществления на поверхности без «захоронения» использованного инвентаря. Во всех случаях, они проходили уже после образования насыпи и не видоизменяли ее.

Итак, зольники белогрудовского типа являются сложными монументальными структурами. Несмотря на отдельные следы ритуалов, считать их святилищами или постоянно действующими жертвенниками нельзя, так как такого рода признаки вторичны (3 – 4 этап моей схемы) и связаны с одноразовыми действиями.

Реальные постоянно действующие жертвенники – античные эсхары. Такой жертвенник в Олимпии был сооружен «... из непл бедренных костей тех жертв,

³ Оно уместно и для объяснения феномена поселений-гигантов трипольской культуры, где в жилищах в изобилии встречаются свидетельства ритуальных действий, совершавшихся на заключительном этапе их функционирования (Гершкович, 2003, с.)

которые приносились Зевсу», его профисис (первая ступень или преджертвие) имел диаметр 125 футов, а высота самого жертвенника составляла 22 фута (Павсаний, V, XIII, 8, 9); жертвенник – эсхара в Китее, самый большой греческий сакральный комплекс Северного Причерноморья, имел мощность до 12 м, общая площадь его около 5000 кв. м (Молева, 2002, с. 188). Трактовка эсхар именно как жертвенников полностью подтверждается археологически: они расположены на особых участках, не связаны с жилищами, а об их длительном формировании свидетельствуют характерные многочисленные перемежающиеся слоистые пласты отложений. Внутри этих отложений нет целых сосудов, а остеологический материал представлен в основном костями молодых животных. Впрочем, наряду с большими эсхарами, есть и такие, которые по размерам и форме (Носова, 2002, с. 63) фактически не отличаются от зольников белогрудовского типа, но и они, как и большие эсхары, формировались в результате *созидания*, а археологизировались исключительно через *специальный вынос*⁴.

Среди монументальных памятников античного времени значительно ближе к нашим зольникам стоят группы жилых и хозяйственных построек сельской округи Ольвии. Они имеют вид светло-серых или пепельных пятен или насыпей (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 26-27), но и здесь совпадение неполное (только на уровне 1-го и 2-го этапов).

Если строго учитывать названные выше критерии, становятся понятными не только кардинальные отличия зольников белогрудовского типа от античных эсхар, но и от синхронных похожих (только похожих!) структур срубно-андроновского типа. Там в качестве зольников обозначают либо обычные светло-серые культурные слои (*обитание, нормальное выпадение*), либо скопления бытовой золы возле очагов, либо дискретные золистые напластования в котлованах жилищ и в естественных понижениях рельефа (*упокоение, нормальное выпадение*) (Кривцова-Гракова, 1948, с. 73, табл. II – VII; Кузьмина, 1994, с. 69; Зданович, 1988, с. 42, 52-53; Зданович, Зданович, 1988, с. 62; Мыськов, Лапшин, 2007, с. 23 –27; Збруева, 1950, с. 72; Черников, 1960, табл. XXII; Березанская, 1959, с. 87). Нередко отмечается их сло-

⁴ Недавно вышла статья А.С. Русяевой "Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье". Из длинной сноски на первой же странице следует, что Анна Станиславовна все-таки невнимательно познакомилась с моими аргументами и не поняла, какая основная задача решалась. Иначе у нее, во-первых, не было бы оснований считать "парадоксальным" предположение о близости представлений о доантичных зольниках у древнегреческих поселенцев Северного Причерноморья и нынешних сторонников исключительно культового их назначения (Русяева, 2006, с. 95); во-вторых, не пришлось бы упрекать меня в неполноте обзора, ибо моя статья все-таки посвящена лишь тем зольникам, которые относятся к эпохе бронзы (античные приведены лишь для сопоставлений); в-третьих, трудно понять, в чем состоит приписываемая мне "ошибочность трактовки", когда я отношу античные зольники к разряду примитивных алтарей-святилищ – ведь этот термин, строго говоря, вовсе и не мой, а моего уважаемого оппонента, которая и ранее, и в указанной статье, говоря о ботросах и "насыпных зольниках", трактует их как "примитивные алтари", пусть даже сложного назначения (Русяева, 2006, с. 100).

стый характер – результат, как и у эсхар, многократного и продолжительного накопления.

Для пахомовской культуры лесостепной зоны Западной Сибири упоминаются случаи, когда зольники "имеют внушительные размеры и выглядят в рельефе как всхолмления (в форме овала, подковы, гряды) высотой 0,5 – 1 м, площадью от 100 до 3000 м²" (Корочкова, 1999, с. 57)⁵. Находки расчлененных скелетов людей в Ново-Шадрино, конечно, интересны, но в одном случае происходят из котлована заброшенного жилища, характер находок из пола которого иной, чем в самом зольнике, а в другом – из зольника между двумя жилищами, представляя собой выброс мусора из одного из них (Корочкова, 1999, с. 58; 2009).

Как и для эсхар, для срубно-андроновских и пахомовских зольников, которые предстают как монументальные гомогенные памятники, нет таких сочетаний формирования и археологизации, которые установлены для зольников белогрудовского типа, памятников сложных. Разумеется, их прямые сопоставления глубоко ошибочны. Тем более неуместны сопоставления с «зольно-мусорными слоями» земледельческих поселений раннего бронзового века юго-запада Средней Азии (Sava 2005, s. 82), обычными для бытовых или производственных объектов любой эпохи и территории (Кирчо, 2001, с. 20).

Для тех, кому моя трактовка до сих пор кажется неправдоподобной, могу привести пример с прямоугольными земляными оградами (*Viereckschanzen*) раннего железного века Центральной Европы. Некоторые исследователи приписывали им сугубо сакральный характер, поскольку в них были найдены votivные предметы. Р. Бредли показал обусловленность такого взгляда современными представлениями о сакральных местах и напомнил об органическом включении в древности ритуала и веры в повседневную жизнь. Особое его внимание привлек кельтский памятник Мшецке Жировице в Богемии. Первоначально здесь было открытое поселение, располагавшееся возле богатых залежей железа и сапропелита (ископаемого угля), использовавшихся местными мастерами для изготовления различного рода украшений. Votivные находки отсюда – результат сакрализации металлообработки (Bradley, 2005, p. 20-21).

Поскольку к обозначенной в этой статье проблеме мне приходилось обращаться неоднократно, меня не может не интересовать, почему предлагаемый подход остается непонятым коллегами. Об этом свидетельствует и приведенное выше замечание А.С. Русяевой, и недавняя публикация Е.П. Мыськова и А.С. Лапшина, в которой снова звучат исключительно культовые мотивы (Мыськов, Лапшин, 2007, с. 23-27). Основная причина непонимания, пожалуй, заключается в том, что сами исследователи культуры Ноуа, сабаатиновской, белогрудовской, находясь в плену «ложных друзей», ловят черного кота в темной комнате, хотя кот в ней, говоря откровенно-

⁵ Кстати, не будем забывать, что наши зольники не имеют вид гряд, подков, а площадь их значительно меньше 3000 кв. м.

но, нет и никогда не было. Наиболее распространенным их заблуждением было и остается отрицание непосредственной связи остатков жилищ под всхолмлениями с образованием последних (Мелюкова, 1960, с. 130-131; 1961, с. 12-15) и предположение о постепенном их вырастании вследствие выброса в одном месте золы из жилищ, расположенных где-то рядом (Смирнова, 1969, с. 13-14). До сих пор такой взгляд развивает Е.Н. Савва, настаивая, что наши зольники являются остатками навозных куч, «перемешанных с остатками человеческой жизнедеятельности, которые накапливались на протяжении длительного времени рядом с жилищами и в загонах для скота» (Sava 2003, s. 21). Лишь совсем недавно он, наконец, признал их полифункциональность, впрочем снова подчеркнув в основном культовое наполнение (Sava 2005, pp. 88 -91, 93).

Доказательств, приводимых для таких заключений, не так уж и много. Как правило, остатки жилищ вне зольников белогрудовского типа, в отличие от зольников срубно-андроновских, весьма сомнительны. Так было в Магале, поселении многослойном, где материал и объекты, залегающие рядом с зольником культуры Ноуа, могут относиться к последующему раннегаллштатскому горизонту. В Островце рядом с зольником находилось жилище II, но и оттуда происходит «керамика фракийского типа» (Балагурі, 1968, с. 145). Для Кавадинешть И. Драгомир определенно установил наличие двух горизонтов культуры Ноуа (Dragomir 1959; 1961, s. 157), причем более древнее наземное жилище было внутри одного зольника, а еще два жилища действительно расположены рядом, но связаны с более поздними зольниками. Непонятной остается ситуация с поселением Петрушень, где, по приведенному общему плану раскопанного участка, очевидно наличие единого светло-серого слоя (Levitskii, Sava 1993, des. 2; Sava, 2005, abb. 8) – возможно, тут исследована часть зольника с остатками жилищ внутри него.

Поиски рядом с зольниками белогрудовского типа синхронных и связанных с ними жилищ продолжаются с неизменным отрицательным результатом. Уже несколько лет немецкими и молдавскими археологами проводятся раскопки около с. Одайя-Мичурин Драчанского р-на Республики Молдова, на берегу небольшого притока р. Реут (Kaiser, Sava 2006). Авторы раскопок смогли обеспечить комплексность исследования, осуществив подробную топографическую и геомагнитную съемку, флотацию грунта, археозоологический, почвоведческий, химический, палеоэтноботанический анализы. На сегодняшний день частично исследован зольник №1 и полностью зольник № 17. По их разрезам установлено наличие пахотного слоя, под ним – светло-серой почвы без каких-либо прослоек, а еще ниже – не выходящая за пределы светло-серой погребенная почва каштанового цвета толщиной до 20 см с черным гумусом по краям⁶. В целом такая стратиграфия характерна для зольников

⁶ Здесь черный гумус – оползшая часть первичной насыпи (5-ый этап нашей схемы).

белогрудовского типа, такое же соответствие и по составу находок.

А вот при идентификации жилых объектов возникли трудности, вероятно, из-за многочисленных кротовин и уже старой традиционной ошибки – выборочной фиксации находок. Подтверждение наличия неких конструкций вне всхолмлений, по мнению Э. Кайзер и Е.Н. Саввы (Kaiser, Sava 2006, s. 158), получено в зольнике №17. В действительности же здесь имеет место концентрация мелких находок в пределах зольника и его подошвы (Kaiser, Sava 2006, abb. 30), но вокруг исследована очень незначительная площадь, для каких-либо выводов ее нужно было бы расширить, как минимум, в три-четыре раза во всех направлениях или заложить траншею между близлежащими зольниками.

Показательны две радиоуглеродные даты по образцам из светло-серого слоя, ядра насыпи (Kaiser, Sava 2006, s. 144, tab. 1). Оказалось, что та из них, которая отобрана ниже (1314-992 cal BC), моложе верхней (1390-1338, 1326-1028 cal BC). Это вызвало немалое замешательство у Э. Кайзер и Е.Н. Саввы (Kaiser, Sava 2006, tab. 1, s. 144, 146-147), убежденных в последовательном «вырастании» всхолмлений, словно деревьев, снизу вверх. Однако получение дат в обратной последовательности вполне закономерно и связано с засыпкой объектов усадьбы (4 этап моей схемы), когда, естественно, вначале перемещался более молодой вышележащий грунт и находки, а ранние, из основания культурного слоя, обнажаясь в ходе засыпки, попадали вверх.

Интересны результаты проб зольного грунта, погребенной почвы, материковой глины и чернозема и глины под ним. По химическому составу все эти наслоения мало отличаются друг от друга, но для светло-серого характерно возрастание карбонатов и «необычно высокое» содержание фосфатов «при полном отсутствии собственно золы и иных продуктов сгорания» (Kaiser, Sava 2006, s. 165, tab. 5).

Недавние комплексные исследования разновременных археологических объектов, проведенные А.Л. Александровским, показали, что карбонаты (поташ и кальцит) образуются непосредственно в процессе горения органического вещества, но поташ очень легко и быстро растворяется. Кальцит же хорошо сохраняется, особенно в условиях накопления большой массы золы, и может перемещаться в первоначально безкарбонатные отложения (Александровский, 2007, с. 517, 521). Следовательно, уже само по себе содержание карбонатов достаточно для фиксации процесса горения. Нет особой проблемы и с повышенным содержанием фосфатов, ибо они всегда входят в состав органических остатков в культурных слоях поселений. Давно известно, что посредством определения количества фосфатов в почве и их изменений можно проводить поиск древних поселений, определять их размеры и границы (Веллесте, 1952, с. 135-140).

Итак, у с. Одайя-Мичурин исследованы зольники белогрудовского типа. В их основе, как и у других подобных памятников, – культурные напластования

с большим количеством органических остатков, в том числе пирогенного происхождения. Воздействия огня могло осуществляться во время формирования культурного слоя (1-2 этап моей схемы), но не как результат разведения грандиозных костров, которые представляются сторонникам культовой трактовки, а обычных повседневных бытовых операций возле и внутри жилищ, а именно: приготовления пищи на очагах, обогрева жилищ, просушки зерна и т.п.

Какая же информация становится доступной через комбинированное толкование зольников белогрудовского типа? Она многопланова и связана как с методикой полевых археологических исследований, так и различными аспектами интерпретации, включая вопросы хронологии, культурно-исторического развития и даже выявления моделей освоения степной и прилегающей лесостепной зон. Сейчас кратко остановлюсь лишь на некоторых из них.

Если зольники белогрудовского и срубно-андроновского типов предстают как абсолютно разные типы монументальных памятников, следует вывод о существовании различных систем бытовой, производственной и ритуальной практики в пределах лесостепной и степной зон Евразии: земледельческо-скотоводческой в Северном Причерноморье и преимущественно скотоводческой – к востоку от него. Те исследователи, которые продолжают настаивать на восточных импульсах в формировании блока культур Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень (Sava 1998), в наименьшей степени могут ссылаться на факт наличия зольников и на востоке, и на западе.

Известен факт топографического размежевания зольников белогрудовского типа и синхронных им стационарных поселений. В степной полосе Днепровского Левобережья, в сабаатиновской культуре, установлено наличие нескольких микрорайонов, включающих различные типы памятников, в том числе и усадьбы (Gerškovič 1999, s. 8, 42-43; taf. 1). Последние предстают как своеобразные форпосты земледельцев и скотоводов, последовательно осваивавших Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Модели хозяйства и рас-

селения у их восточных и северо-восточных соседей (в срубной культуре, далее – андроновской, пахомовской и др.), осваивавших пространства с большим градиентом континентальности (Антипина, Моралес, 2005, с. 31, рис. 1) были иными.

Особая широкая сфера информации – трактовка отдельных находок и даже больших их серий. В свое время А.М. Лесков и В.С. Бочкарев отметили обычай «прятать» литейные формы, потерявшие практическое значение, причем особо подчеркнули, что такой «источниковедческий эффект» свойственен именно Северному Причерноморью, где «при относительно меньшем уровне развития металлообработки, чем в Трансильвании, на Кавказе и Минусинской котловине, сосредоточено большое количество находок именно литейных форм» (Voškarev, Leskov 1980, taf. 20, karte 1). Думаю, нужно учитывать и обычай «прятать» или «закрывать» сработанные формы, и те нормы, согласно которым вообще все ставшие непригодными для дальнейшего использования предметы, включая «сакральные предметы литейного дела», подлежали «захоронению» (Черных, 1978, с. 284) или «ритуальному убийству» (Charman 2007, p. 57-58). Именно в соответствии с этими нормами в культурах Ноуа, сабаатиновской, тшинецкой, позже – белогрудовской и других осуществлялся обряд оставления жилищ и старого производственного и бытового инвентаря, в том числе связанного с металлообработкой. В зоне бытования этого обряда и оказывается наибольшее количество находок литейных форм, как правило, полностью сработанных или поломанных.

Будущие раскопки зольников и на востоке, и на западе, конечно, еще могут предоставить немало новых интересных данных. Но пока я не нахожу оснований для кардинального пересмотра предложенной мною схемы. Решать же вопрос о сути зольников белогрудовского типа через сравнения их со структурами похожими, но формировавшимися и археологизировавшимися абсолютно иначе, так же бессмысленно, как расплачиваться в банке театральными билетами вместо денежных банкнот, уповая на то, что и те, и другие отпечатаны на бумаге.

Abstract

YA. P. GERSHKOVYCH

ASH-HEAPS OF THE BELOGRUDOVKA TYPE – COMPLEX MONUMENTAL STRUCTURES OF THE LATE BRONZE AGE

It is necessary to consider the mode of their forming and archaeologization when some unaccountable monumental archaeological sites are being discussed. Such approach allows to explain an essence of so-called ash-heaps (zolniks) of the Belogrudovka type which were spread in the Late Bronze Age on southwest of Eastern Europe in the Noya, Sabatinovka, Belogrudovka cultures, etc. The problem is: they have features of both productive-domestic sites, and sacral places.

Ash-heaps of the Belogrudovka type are complex monumental structures, but on the initial stage they were produc-

tive-domestic ones. In spite of the fact that there are separate traces of ritual actions in them, it is impossible to consider their as sanctuaries or constantly existing altars, because such features are secondary here and connected with disposable short-term actions.

There are strong differences between the Belogrudovka type ash-heaps both classic sanctuaries, which were permanent altars, and synchronous ash-heaps of the Srubno-Andronovo type, which were household refuses from the buildings situated close to them.